

Двадцать пять лет назад — 13 февраля 1974 года — советские власти лишили гражданства и выслали из страны лауреата Нобелевской премии, одного из популярнейших в мире писателей Александра Солженицына. Причина "объяснялась" общественности в указе Президиума Верховного Совета СССР, изложенном в короткой заметке ТАСС: "за систематическое совершение действий, несовместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик." Как готовилось изгнание писателя? Кто принимал участие в решении его судьбы? На эти и некоторые другие вопросы в какой-то степени отвечает документ, хранящийся в президентском архиве. На документе гриф: "Совершенно секретно. Экземпляр единственный. Рабочая запись."

7 января, за пять недель до рожденного дня, в Кремле под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева заседало Политбюро. Присутствовали председатель КГБ Юрий Андропов, министр иностранных дел Андрей Громыко, предсомнина Алексей Косыгин и другие — всего 14 человек. В повестке дня вопрос — "О Солженицыне".

Поводом послужила записка Юрия Андропова в связи с выходом на Западе "нового сочинения" Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ". Накануне Брежнев беседовал с руководителем КГБ, суть дела знал, а потому в своем кратком вступлении, обращенном к членам ПБ, успел назвать книгу "грубым антисоветским пасквилем", ее автора — "хулиганствующим элементом", который "на все помахивает, ни с чем не считается"...

— Как нам поступить с ним? — спросил генсек.

Первым отозвался автор служебной записи Андропов.

— Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия, — сказал он. — Солженицын выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение "Архипелаг ГУЛАГ" не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем, сотни и тысячи людей, среди которых Солженицын будет находить поддержку. Сейчас все смотрят на то, как мы поступим с Солженицыным, примем ли мы к нему санкции или оставим в покое...

Ныне к Солженицыну, продолжал руководитель КГБ, едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. Он проводит с ними беседы и даже пресс-конференции. Допустим, что у нас существует враждебное подполье и что КГБ проглядел это. Но Солженицын действует открыто, действует нахальным образом. Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу безнаказанно. Поэтому надо принять все меры, о которых я пишусь в ЦК, — выдворить из страны.

ШЕФ КГБ СКАЗАЛ, ЧТО ВОПРОС О СОЛЖЕНИЦЫНЕ "ВЫШЕЛ ЗА РАМКИ УГОЛОВНОГО". ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ЛИЧНОСТЬ СОЛЖЕНИЦЫНА ВЫЗЫВАЕТ СИМПАТИИ "У НЕКОТОРОЙ ЧАСТИ" ТВОРЧЕСКОЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? Жить за рубежом он может безбедно, у него на счетах в европейских банках находится восемь миллионов рублей.

Брежнев помолчал. Воспользовавшись паузой, в разговор вступил секретарь ЦК, главный идеолог Михаил Суслов, влиятельный партфункционер, с мнением которого тогда очень даже считались. "Вопрос времени, как поступить с Солженицыным: то ли его выдворить из страны, то ли судить по нашим советским законам, — молвил он. — Но это надо сделать".

Надо сказать, что шеф КГБ избрал испытанный способ избавления от инакомыслившей интелли-

итак, выдворить или судить? Мнения партийных олигархов "разделились". Одни считали: высылка — это признак слабости и беспомощности, другие беспокоились, что судебный процесс над инакомыслившим Солженицыным может поколебать авторитет державы. Кто-то осторожно, в форме полуопроса-полунамека, дабы не выглядеть "белой вороной", предлагал обходить завершения общеевропейского совещания, "третью корзину" документов которого касалась защита прав и свобод граждан.

Единодушно и жестко сошлись в одном: Солженицын — враг. А врача прощать нельзя. Более сдержаный обычно председатель Совета Министров Алексей Косыгин — и тот ожесточился, заявив, что нечего, мол, бояться применить к врагу "суровые меры советского правосудия", и сослался на Чили и Англию, где уничтожают, мол, сотни людей — и ничего, никакого шума. Косыгин даже определил место ссылки

Было принято постановление "О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А.И.". Оно насыщено "отработанными" за годы большевистского террора обвинительными штампами и ярлыками:

**ЕДИНОДУШНО И ЖЕСТКО
СОШЛИСЬ В ОДНОМ:
СОЛЖЕНИЦЫН — ВРАГ.
ПРАВДА, РАСХОДИЛСЬ
В ЭПИТЕТАХ: МАТЕРЫЙ, НАГЛЫЙ,
ЯРЫЙ, ЗЛОСТНЫЙ...**

и зарубежных контрреволюционных и враждебных советскому строю элементов и групп, а также за грубое нарушение правил печатания своих литературных произведений в зарубежных издательствах, установленных Всемирной (Женевской) Конвенцией об авторском праве, — СОЛЖЕНИЦЫНА А.И. привлечь к судебной ответственности"...

Однако события развивались дальше по иному сценарию. 7 февраля Андропов направляет на имя Брежнева новое письмо и справку, составленную его сотрудниками о реагировании населения на антисоветские выступления Солженицына. Шеф КГБ считает, что вопрос о Солженицыне "вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, имеющую определенный политический характер". Оказалось, видите ли, что личность Солженицына вызывает симпатии "у некоторой части творческой и научно-технической интеллигенции, и особенно в так называемой околоволитатурной среде." Андропов констатирует: "...как ни тяжелы клеветнические сочинения

В КРУГЕ ПОСЛЕДНЕМ

**КТО ГОТОВИЛ
ИЗГНАНИЕ
ПИСАТЕЛЯ
ЧЕТВЕРТЬ
ВЕКА
НАЗАД**

— Верхоянск, куда, по его мнению, никто из зарубежных корреспондентов не поедет — слишком холодно. Министр иностранных дел Андрей Громыко предложил "окружить Солженицына кордона", дабы не допускать к нему людей, через которых он может вести пропаганду.

Дмитрий Полянский понял слова старших товарищей весьма однозначно и спросил: можно ли арестовать Солженицына до суда?

— Можно, — спокойно ответил Андропов. — Я советовался по этому поводу с генпрокурором Руденко.

Чаша весов склонялась к тому, чтобы Солженицына не высылать, не впутывать иностранные государства, а судить "строгим советским судом". Чтобы другим неподобало было.

Итог подвел Брежnev:

— Считаю необходимым поручить КГБ и прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом того, что было сказано здесь, принять соответствующие меры судебного порядка. Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все как следует — в соответствии с нашим законодательством.

строй, Советский Союз, Коммунистическую партию и их внешнюю и внутреннюю политику, оскверняющих светлую память В.И. Ленина и других деятелей КПСС и Советского государства, жертв Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации, оправдывающих действия как внутренних, так

Солженицына, но в них есть доля правды", а некоторые видят в Солженицыне человека, достойного подражания. Вот такое "признание сквозь зубы"... Многие антисоветские элементы, говорится в справке, внимательно следят, что будет с Солженицыным. Один из его близких знакомых профессор Эткинд, проживающий в Ленинграде, прямо заявил:

"Если Солженицына вышлют, то и нам надо собираться в Израиль, потому что обстановка изменится и терпеть нас здесь не будут". Таким образом, делает вывод Андропов, "Солженицын и его книги стали в значительной мере факторами, объединяющими оголтелых антисоветчиков и всяких рода брюзжащих элементов и даже лиц политически малосознательных".

Вывод? Солженицына надо высылать без промедления. Дома, дескать, он с каждым днем становится все опаснее.

"Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, — заключает Андропов, — мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издерхи, которые возможны в связи с выдворением (в меньшей степени) и арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издерхи действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издерхи внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына."

Анатолий КАРПЫЧЕВ.

P.S. В этом же письме Андропов заверил Брежнева, что если по каким-либо причинам мероприятие по выдворению Солженицына сорвется, то не позднее 15 февраля против него будет возбуждено уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому была готова. Но чекисты не допустили "срыва". 13 февраля самолет с А.И. Солженицыным приземлился во Франкфурте-на-Майне. Начались долгие годы вынужденной эмиграции знаменитого русского писателя.